

Некоторые стихотворцы ныне сетуют, что не в ту эпоху они родились. Да и критики то и дело талдычат о литературном безвременье. Станным выглядит то, что цензурные запреты в XXI веке окончательно сняты, а российское общество вдруг перестало быть «самой читающей страной». Книжки стихов и литературные журналы мало кто покупает: «нам не нужны Рубцов и Пушкин, ждем новостипку из Кремля». Кругом — новейшие гаджеты и надвигающаяся суперцивилизация под таинственным и холодным названием «Цифра». Звезданутые фурии и моральные недоросли правят бал на телевидении, вынося на всеобщее обозрение «грязное белье» друг друга. Да и власть к нашим сочинениям то ли равнодушна, то ли опасается их. Так называемый «кремлевский союз писателей» состоит из полусотни привилегированных «членов», которые катаются за наш с вами счет (то есть на бюджетные деньги) по международным книжным ярмаркам, а «дэмо́а» состоят в оппозиции (вспомним некоторых ораторов с Болотной площади). Забота власти направлена ныне на спорт. Поэты нищенствуют, а вечно проигрывающие футболисты становятся миллионерами.

Все это, хочешь не хочешь, имеет место быть. Но парадокс заключается в том, что ПОЭЗИЯ, как вид искусства,

живет вопреки вывертам «эпохи» и развивается по другим законам, о которых провидчески сказал Александр Блок в знаменитой Пушкинской речи, ставшей затем статьей «О назначении поэта». И уже наш современник, поэт Станислав Золотцев (1947–2008) перед своим уходом сказал, как отрезал: «Россия пишет стихи и прозу / Как никогда еще не писала!» И этот реальный факт я могу подтвердить как практикующий редактор литературного журнала.

Надежда состоит в том, что творческий потенциал далеко не раскрыт. И гнездится он не столько в Москве или Петербурге, сколько во всей России — от Калининграда до Владивостока. «Нынешние соловьи все при императорах, — написал еще в 2002 году критик Леонид Огибалов. — Иные кормятся русской идеей и жертвенно сдают в аренду старинные особняки. Иные, граждане мира, освоили чтение лекций о лирической поэзии для заморских «умников». Только сам предмет этих забот шагається где-то по медвежьим углам, вечно неустроен, нищ при любом раскладе властей. Это, как и дар, врожденное». Я с удовольствием назову всего лишь несколько имен талантливых современных поэтов, укорененных в родном Отечестве, болеющих его болями, радующихся его радостями, сожалея о том, что они известны меньше дру-

гих, незаслуженно «раскрученных» (да простят меня неназванные знакомцы — я в своих пристрастиях привередлив). Прежде всего, это ушедшие из земной жизни: Николай Перовский (Орел), Николай Беляев и Виль Мустафин (оба — Казань), а также ныне здравствующие Николай Рачков (Ленинградская область), Юрий Перминов (Омск), Владимир Скиф (Иркутск), Евгений Семичев (Самарская область), Диана Кан (Оренбург), Николай Зиновьев (Краснодарский край), Александр Кердан (Екатеринбург), Геннадий Морозов (Рязанская область). Сегодня к этому списку я хочу добавить поэта Владимира Макаренкова из нашего славного западного порубежья — города-героя Смоленска.

* * *

Борис Лукин о стихах Макаренкова в предисловии к его книге лирики «Камертон» (Смоленск, «Свиток», 2017) пишет, что находит в них... себя. И объясняет: «...это когда ты понимаешь и разделяешь мысли поэта, словно собирався сам высказать все это, да не успел...» И я соглашаюсь с Лукиным, когда читаю у Макаренкова следующие строки:

Я в новой жизни — скромный гость
Из прошлого тысячелетья.
Чем смог однажды овладеть я?
Все крохотно вместились в горсть.

Для моего поколения (перечисленных выше поэтов, например) развал Советского Союза оказался личной трагедией, к сожалению, не сразу осознаваемой. Советскому офицеру Владимиру Макаренкову, наверное, было еще труднее, ибо его долг — подчиниться приказу. Помня историю своей страны, он молился «негромкими стихами о вечном и земном, своем»:

Так в эмиграции молился
Забывтый русский офицер,
Когда над Родиной глумился,
Тряся наганом, Люцифер.

Я тоже веку неугоден.
Нас много из других веков.

Мы в эмиграцию уходим,
Не покидая отчий кров.

Поэзия, дар Божий, спасала. Татьяна Озерова, художник, иллюстрировавший «Камертон», написала: «...авторский строй, эмоциональная атмосфера произведений Владимира Макаренкова не нуждается в особой изощренности, техническом трюкачестве». Мне в связи со сказанным сразу вспомнилось суждение выдающегося знатока русской поэзии Вадима Кожинова о САМОРОДНОСТИ стихов Николая Рубцова — они, дескать, словно всегда находились в окружающей природе, в самом воздухе родины. Поэт только услышал их звучание, их мелодию и выразил в слове. Для кого как, а для меня это — высший пилотаж. И я радуюсь, что Владимир Макаренков — из тех, кто умеет слушать:

В снега природа разодела.
Мороз, ветра гудят баском.
А ты согрет любовью деда —
Идешь по звездам босиком.

Самое любопытное тут, конечно, в подтексте, то есть в том, чего нет (а, стало быть, и не надо) в сюжете стихотворения — читатель рад домысливать, как внук в старых валенках выскочил в морозную ночь посмотреть на звезды, да и сбегал на встречу с родной душой деда по Млечному Пути. Нечаянные строчки стали волшебными.

Они — строчки-находки, строчки-догадки, строчки-открытия — рассыпаны по книге смоленского автора. Их нельзя придумать, их можно только сбересть и сохранить, они — редкие камушки, собранные, прежде всего, тогда, когда были живы самые родные и близкие люди, ибо

Волшебная звезда из детства
Горит, горит еще в душе.

Отсюда — точность и неожиданность метафоры: «Колыхнулась вечность, будто штора...» Отсюда — острое желание:

Иногда по-детски плакать хочется,
Спрятавшись от всех на сеновал.

Отсюда прозрение, связанное уже с городскими деревьями, которые когда-то сам сажал во дворе:

Среди деревьев ты совсем не лишний.
Ты на полвека вырос к небесам.

Как не забыть все добро земного мира, дарованное тебе при рождении? Даже в сухой мороз, например, можно «стать под солнце» и ощутить:

А щеки помнят добрую ладошку
Небес, как дети груди матерей.

И чудо женской красоты поэт может выразить одной строкой, да так, что позавидуешь: «Ты, как сирень цветущая, свежа...»

* * *

Владимир Макаренков — человек городской, вполне серьезный и основательный. Он, как пишет о нем Борис Лукин — «полковник в отставке, честно отслуживший России, счастливо женатый, отец двух сыновей, познавший трагедию ранней смерти одного из них». И об этом в стихах тоже сказано сдержанно, по-мужски: «Это горе мое. И ничье оно больше». Цитирую далее Лукина: Владимир Макаренков «пишет стихи более 30 лет. Пишет, издает книги и даже стал председателем Смоленского отделения Союза российских писателей».

Это — внешняя оболочка. Но стихи поэт пишет для того, чтобы проявить жизнь души, и для тех, кто способен это понять. Современный горожанин начинает осознавать, что блага цивилизации становятся чрезмерными, а современные технологии все резче отрывают его от матушки-природы. И появляются стихи-предупреждения, подкрепленные не декларациями, а убеждающие философией поэтического образа:

Горизонт железом крыш распотрошен.
Я окно открыл бы настужь да пошел.
Далеко-далече по антеннам крыш,
Заостренным, как невзыревший камыш.
В синеву за дальним лесом... Далеко...
Там дышать и думать вольно и легко.

Наблюдая жизнь современного города, поэт видит:

Спросонок человек от Бога
Бежит на каменных ногах.

Родному Смоленску Владимир Викторович, конечно, никогда не изменит, но, осознавая невзгоды урбанизации, он стремится жить и ближе к лесу, ближе к реке, ближе к памяти детства. Я рад был узнать, будучи в гостях у супругов Макаренковых в феврале минувшего года, что Владимир и Жанна строят дом за городом, подавая тем самым пример другим. Такой вариант будущего при развивающейся системе транспорта (и автомобильного, и велосипедного), наверное, неотменим и желателен.

Верность Владимира Макаренкова родному городу хочется отметить особо. Размышляя об этом, нельзя не учесть крылатую фразу Поля Верлена: «Поэт рождается в провинции, а умирает в Париже». Она верна, поскольку именно в столицах якобы может состояться творческая личность. В России это особенно зримо проявилось на судьбах шестидесятников. Именно в их среде появился и долго оставался незыблемым еще один постулат: «По несчастью и к счастью, / Истина проста: / Никогда не возвращайся / В прежние места». Это написал Геннадий Шпаликов, чья жизнь трагически оборвалась именно в Москве.

Не будем судить, кто прав, кто не прав, но многие нынешние поэты, не изменившие своей «глубинке», стали вдруг отрицать навязываемую философию «перекасти-поля». Вот как выразил этот взгляд, например, нижегородский писатель Олег Рябов: «Когда обрезаются ребенку пуповина и он делает первый самостоятельный вдох, в определенных участках его организма фиксируются напряженности и векторы всех геофизических полей, существующих на Земле: гравитационного, магнитного, электромагнитного, космического излучений и еще массы параметров, присущих данной точке земли

и никакая другая. И эта точка Земли — его родина, и будет ему хорошо только здесь».

Офицер Макаренков немало поездил по большой Родине, но не изменил родному Смоленску. Здесь жили его предки, здесь, на подступах к Москве, проливалась кровь сограждан в далекие времена польской интервенции, в Отечественную войну 1812 года и в Великую Отечественную войну с фашистской Германией в 1941–1945 годах. И другого выбора, как говорит Владимир Викторович, быть не могло, хотя реально другой карьерный вариант места жительства мог случиться. Важно, что поэт Владимир Макаренков состоялся именно в Смоленске. Кто знает, чем бы он занимался, определившись на жительство в столице? А здесь, у себя дома, он нужен и как гражданин, взявший на себя ношу по организации литературной жизни, редактирующий замечательный по качеству альманах «Под часами», возглавляющий отделение СРП, участвующий в комиссиях по присуждению губернских литературных премий: имени Александра Твардовского и имени Николая Рыленкова. Не забудем: Смоленск еще и родина Михаила Исаковского, автора многих замечательных советских песен, в том числе гениальной песни «Враги сожгли родную хату»! Какие имена: советская классика, гордость и слава отечественной литературы! И вот еще одна правда — не все шедевры создавались в Москве да Петербурге, тот же «Тихий Дон» написан Михаилом Шолоховым в родной стороне Вешенской...

А Владимиром Макаренковым написана в родном Смоленске «Баллада о постовом Курицыне». 1943-й год. Город освобожден от фашистской оккупации, начинается мирная жизнь, люди, которых разбросала война, ищут друг друга, и вот:

На углу перекрестка, где улицы
Разбегались почти на версту,
«Под часами» улычивый Курицын
В сорок третьем возник на посту...

Он, «Не обычный сотрудник милиции, / А сержант, закаленный огнем», по доброте душевной стал помогать людям в этих поисках. И «Обросла пришивными карманами / Милицейская чудо-шинель». В эти карманы и складывались письма и записки, которые постовой Курицын непременно передавал тому, кому нужно. И эта его забота стала едва ли не важнее самой государственной службы.

Я бы гордился написанием такой баллады. Макаренков ею тоже гордится. Есть чем!..

В книгу «Камертон» включено и немало песен на стихи Владимира Макаренкова. Весьма популярны на его родине и за ее пределами «Русское сердце» — песня стала лейтмотивом к документальному фильму «Патриарх Кирилл. Годы служения на Смоленщине», а также песня «Российский флаг» — ее автор оказался лауреатом международного фестиваля гимнов. Меня же более всего «зацепила» поэтически безупречная и граждански обостренная сущность припева одной из этих песен:

С песней мира легит от Смоленских ворот
Боль моя за тебя, Украина!
Мы с одних берегов, мы —
днепровский народ.
Славянин, ты услышь славянина!

Да, Смоленск и Киев стоят на берегах одной реки, на которой более тысячи лет назад произошло великое Крещение. А призыв, выраженный в песне, важен и для меня, коренного жителя нижней Камы, поскольку моя покойная жена Светлана, родная мама нашего единственного сына — дочь Украины.

* * *

Теперь о главном. Среди русских литераторов за последние двадцать лет появилось немало русскоязычных, то есть пишущих по-русски, а думающих о своей родине, как (воспользуясь фишкой покойного и уважаемого Михаила Задорнова) «тупые» американцы.

Со страниц книги «Камертон» с чи-

тателями говорит поэт и гражданин, любящий родину честно, без лести, принимающий ее такой, какая она есть: святая и грешная, бескрайняя и безрассудная, богатая и нищая. Так любили родину поэты-пророки: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Есенин, Блок, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов... Такую же любовь они завещали нам. Русский характер «...тем в истории известен, что лишь до срока терпелив». И ныне внешним и внутренним врагам Отечества пора почувствовать, что он уже «...в приемной перед дверью сжимает в мыслях кулаки...»

Но и не только это. Стоило однажды вечером поэту увидеть с железнодорож-

ного моста священный символ своего Смоленска — и он выдохнул:

Тьма мерцала. На горе собор Успенский
Проступал в подсветке, как иконостас...

Держит что-то Владимира Макаренкова на родной земле, не отпускает. Он остается с теми,

Кто создал камертон — настроить лиру
Так, чтобы Бог ее поцеловал?!..

И еще одна цитата в заключение:

А за окном искрится чистый снег,
И солнышко, с утра начав разбег,
Как человек, не знающий печали,
Смеется, поливая мир лучами.
И, подражая выходному дню,
Стихи торят небесную лыжню...

